

УДК 2–1:321.152

**КОМПАРАТИВИСТИКА РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ:
КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ И РЕТРОСПЕКЦИЯ**

Н.Р. Хан

Рассматриваются способы сравнения религиозно-политических феноменов и методологические сложности осуществления такого сравнения на примере теократии.

Ключевые слова: компаративный анализ; религиозно-политический феномен; теократия; ретроспекция.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RELIGIOUS AND POLITICAL PHENOMENA:
COMPARISON CRITERIA AND RETROSPECTION**

N.R. Khan

The article discusses how the comparison of religious and political phenomena and methodological complexity of such a comparison an example of theocracy.

Keywords: comparative analysis; religious and political phenomena; theocracy; retrospection.

Применение методологии социополитической компаративистики используется для более полного раскрытия сущности предмета исследования. Сам компаративный метод подразумевает не только сравнение феноменов или систем, но и концептуальное осмысление проблемы. Сравнение феноменов, систем и концепций нуждается в первоначальном выделении сначала тех общих для них черт, от которых они отталкиваются и которые обуславливают их существование. Стоит также упомянуть проблемы современной компаративистики. Это позволит учитывать некоторые особенности при осуществлении сравнения. Во-первых, касательно феномена теократии, языковые особенности должны быть учтены в первую очередь. Каждое предложение, термин и понятие, сформировавшееся в рамках определенной культуры и языкового пространства, несет на себе функциональную нагрузку и смысловое значение, не всегда правильно истолкованное исследователем, не принадлежащим к культуре и не владеющим языком этой культуры.

Однако если учитывать лингвистические и культурные особенности в процессе исследования, то можно прийти к научному открытию. “Каждое сообщение для наиболее успешного выполнения возложенных на него задач определенным образом структурировано отправителем, и уже по этим структурам – расположению членов предложения, выбору слов – во многом можно определить

те неосознаваемые... посылки, которыми руководствуется философ, создавая свою систему” [1, с. 7]. Возвращаясь к теме теократии, следует отметить, что не все носители теократических убеждений считают и признают себя таковыми и рассматривая феномен следует учитывать, что под термином теократия взяты все перечисленные конфессии в широком смысле и на это есть основания.

Во-вторых, еще одной проблемой компаративистики являются трудности индексирования. В современной компаративистике используется большое количество индексов, позволяющих размещать феномены в рамках системы координат линейно и оценивать их в зависимости друг от друга, что не всегда возможно. Индексы в политической компаративистике делятся по пяти основаниям:

“а) по теме (индексы оценки политического режима, доверия, коррупционности, социального благополучия, политической напряженности и т. д.);

б) по источнику информации для построения индекса (статистические данные, оценки экспертов, результаты опросов общественного мнения);

в) по процедуре, то есть по способу построения индекса (расчетные, основывающиеся на интеграции однородных или разнородных показателей, или “балльные”, опирающиеся на систему начисления баллов, чаще всего – штрафных);

г) по уровню обобщения (частные, оценивающие одну сторону политического явления, или обоб-

щенные, позволяющие провести комплексное сравнение политических институтов или процессов);

д) по типу организации, разработавшей и использующей индексы (международные надгосударственные организации, исследовательские некоммерческие центры, международные независимые организации, международные банки)” [2, с. 55–56].

Проблема индексирования заключается в субъективном понимании смысловой нагрузки индекса. Индексы выстраивают эксперты, каждый из которых вкладывает в них свой смысл. “Во многих индексах используются именно оценки экспертов, но насколько эти специалисты свободны от предрассудков в отношении определенных стран, в какой степени ученые могут избежать просто собственного “добросовестного заблуждения” в вопросе о преодолении субъективизма, вызванного их политическими убеждениями? Эти вопросы активно обсуждаются отечественными политологами в последние годы, и выводы их в целом не утешительны. Вместе с тем зарубежные политологи крайне негативно относятся к самой возможности отказаться от услуг экспертов при построении индексов. Основной аргумент сводится к тому, что в современном мире государства слишком разнородны, и попытки использовать абсолютно идентичные количественные показатели для оценок политических процессов методологически недопустимы” [2, с. 56–57].

Также, по мнению О.В. Поповой, в отношении индексирования существуют следующие проблемы: а) индексирование ведет к упрощению процесса, что приводит к искажению понимания; б) проблемной частью является оценочное шкалирование; в) проблема значимости, “веса”, отдельных показателей; г) непрозрачность информации по некоторым странам не позволяет анализировать объективно [2].

Кроме того, проблемной областью является унификация инструментария для сравнения непохожих объектов. Использование единой системы индикаторов, с одной стороны, является условием компаративного анализа, а с другой – нейтрализует возможность проведения такого анализа. Еще одной из многих проблем компаративного анализа является используемая методология. К примеру, опросный метод не дает точных оценок, методы включенного наблюдения, эксперимента, политическая экспертиза документов и многие другие не универсальны и не всегда подходят для оценки. Но так как непосредственно в нашем исследовании использование данных методов не предполагается, то нет необходимости их подробного описания.

В случае теократии перед социально-политической компаративистикой встает иная проблема, переводящая русло исследования в область фило-

софской компаративистики. В контексте теократии область сравнения сталкивается с иной проблемой. “Компаративное исследование должно опираться не только на рассмотрение синхронического контекста философского учения, но и на его историю, на то, кто был предшественником данного философа, какие учения послужили ему основой и стартовой площадкой его философствования – словом, здесь важна не только синхрония, но ничуть не менее и диахрония – те траектории развития философской, религиозной, художественной мысли, по которым эволюционировала данная культура в данный период” [1, с. 8]. Целью компаративного исследования, применительно к изучению типов теократии, является сопоставление не только институтов теократии, но и смыслов, которые они имели в рамках единой породившей их средиземноморской культуры, те функции, которые они в ней выполняли, и те формы, которые они в конечном итоге приняли.

Компаративный философский анализ включает в себя два принципиальных подхода – “...аналитический и синтетический, которые предполагают, с одной стороны, адекватное рассмотрение данной концепции (как содержание некоего диалога философских и культурных традиций) и выявление мотивов и фундаментальных целей ее построения; с другой стороны – сравнение, сопоставление методов и идей как в историческом развитии данной концепции, так и в столкновении и противоборстве различных традиций” [3, с. 188].

Еще одним значительным моментом является то, что в процессе сравнения типов теократий возникает следующая необходимость: приходится сравнивать западные и восточные модели правления, но их общее происхождение должно упростить этот процесс. По мнению А.С. Колесникова, компаративная философия “...пытается занять рефлексивную метапозицию, зафиксировать свое мнение в отношении принципиальных подходов, раскрыть связь с процессами в мире. В отличие от господствующей в историко-философском познании тенденции к интерпретации философского метода как следования за миром (будь то мир природы или мир идей), в компаративистике философия обратилась к самой себе, сравнивая и сопоставляя философские традиции, выявляя интеркультурные коммуникативные основания философского диалога, уточняя принципы историко-философского исследования” [3, с. 187].

Критерии для сравнения теократий, а именно исторический признак, деление на “дифференцированную” и “недифференцированную” теократию, на “чистую” и “дуалистическую”, непосредственную и представительскую ее формы, признак монотеистичности-политеистичности, а также деление

на абсолютную, компромиссную (конкордатную) и тотальную и принципы, определяющие положение центральной фигуры теократии, однозначно способствуют более четкому пониманию феномена. Однако для осуществления сравнительного анализа наиболее важным подходом является критерий исторический. Исторический подход в философии обычно используется с целью осуществления социологической ретроспекции. Основной целью и задачей компаративного анализа является прогнозирование будущего теократии и влияния ее на развитие общества, т. е. ретроспективный анализ.

Рассмотрев же термины “ретроспектива”, “ретроспективно”, “ретроспекция” или “ретроспективный”, приходим к выводу, что особым вниманием в словарях русского языка (или даже в словарях иностранных слов) они не пользуются. Так, в знаменитом словаре С.И. Ожегова имеется лишь термин “ретроспективный”, определяемый не более, как “обращенный к прошлому” [4, с. 604]. В четырехтомном “Словаре русского языка” под редакцией А.П. Евгеньевой имеются термины “ретроспектива”, “ретроспективно”, “ретроспективный” и “ретроспекция”, а последняя трактуется как “... ретроспективный обзор, обращение к прошлому” [5, с. 711]. В “Словаре иностранных слов” конца 1980-х гг., как и в словаре С.И. Ожегова, имеется лишь “ретроспективный” (с добавлением в его определении к ожеговскому “обращенный к прошлому” небольшого уточнения – “посвященный рассмотрению прошлого” [6, с. 442]).

И только совсем недавно, в одном из последних словарей иностранных слов, появляется вполне подходящее определение ретроспекции, причем в различных модификациях: “1) взгляд в прошлое, анализ прошедших событий, переживаний; 2) обращение к прошлому для нахождения в нем зародышей традиций, свойственных современности; 3) взгляд на прогрессивные социальные идеалы как на такие, которые уже существовали в более или менее отдаленном прошлом” [7, с. 501]. Второй и, отчасти, третий варианты данного определения можно признать наиболее адекватными сути ретроспективного метода, с помощью которого, думается, удастся прогнозировать в том числе и будущее теократии.

При этом небезынтересно заметить, что термин “ретроспекция” впервые появляется в шахматах, где применяется для прогнозирования победы методом просчета различных комбинаций. Иными словами, это весьма близкий науке подход – и по своему происхождению, и по назначению, и по некоторым технологическим параметрам. И хотя сам метод ретроспекции в науке до сих пор не разработан детально, однако для различного рода исторических и социально-гуманитарных исследований

он вполне мог бы стать внушительной методологической базой эффективной прогностики. В то же время применительно к компаративному анализу теократии ретроспекция должна быть признана не более чем частным случаем. А исторический подход, взятый за основной критерий такого анализа, позволит ретроспективному подходу стать разновидностью методологии. Неслучайно О. Шпенглер в “Закате Европы” писал: “Техники сравнения еще не существует. Как раз теперь сравнения применяются в огромном количестве, но без всякого плана и связи и если они оказываются удачными в том глубоком смысле, о котором еще предстоит говорить, то виною тому бывает счастье, реже инстинкт, никогда принцип. Никто еще не подумал о выработке метода” [8, с. 134].

Использование ретроспективно-компаративной методологии с установкой на целостное, концептуальное осмысление и сущностное постижение проблемы будущего весьма перспективно для предвидения дальнейшей роли теократических форм управления обществом. В самом деле, поскольку теократия тесно соотнесена с понятием власти, но исследуется в философском ключе, то применение политико-компаративной методологии является оптимальным для ее исследования. “Сегодня можно с полным правом зафиксировать поворот исследователей политики в сторону политической философии. Это не означает, что традиционный интерес к научной стороне дела в политическом познании исчезает. Скорее речь идет о том, что вместе с этим поворотом можно констатировать серьезную методологическую перестройку всего политического познания” [9, с. 214].

Между тем осуществление ретроспективного анализа бессмысленно без направленности в будущее, ведь, как известно, прогностическая функция является в научном познании одной из важнейших. “Философская компаративистика называется в этом случае своеобразной “археологией знания”... или культурным психоанализом: как археология, она по отдельным элементам прошлого восстанавливает его целостную картину, в которой каждый ее элемент приобретает зависящий от этой целостности, “контекстуальный” смысл, а как психоанализ она помогает постигнуть связи между прошлым и настоящим и увидеть корни современных трудностей в ошибках прошлого” [1, с. 6].

Антропологически время разделено на три периода – прошлое, настоящее, будущее, в соответствии с этим разделением у человечества есть память, непосредственный опыт и предвидение. Предвидение может представлять в различных модификациях: гипотезы, догадки, ожидания и прогноза. Прогнозирование является наиболее научным

методом предвидения и наиболее результативным. Динамика политических процессов и их прогнозирование полностью опираются на исторический подход. А.В. Маслихин отмечает, что «... историческая и прогностическая функции позволяют дифференцировать познание по временной направленности. Историческая функция направлена на систематизацию взаимодействий генетического характера в системе “прошлое – настоящее”, а прогностическая отражает последовательные состояния в системе “настоящее – будущее”» [10, с. 202].

Исторический подход в компаративном анализе, в свою очередь, опирается на ряд других методологических принципов. Такая опорная взаимосвязь видится весьма эффективной, например, в работе “Исторические переломные этапы развития Кыргызстана: комплексный и теоретический анализ”, где приводятся аспекты сравнения, которые могут быть использованы для анализа теократии. Обращают же на себя особенное внимание следующие положения: “Сравнительный анализ в динамике исторических этапов, веков – это один методологический аспект исследования. Второй аспект сравнения: второй методологический принцип сравнения опыта жизнедеятельности, как функционирования структуры власти, как велась хозяйственная деятельность, каков был уровень жизни, как складывались социальные отношения в обществе, какие были успехи и недостатки... Признание возможности отката назад общественного развития в “локальных” рамках – это третье методологическое положение... Четвертый методологический принцип исследования – это признание одновременно достоинств и несовершенности человеческого развития... Пятый методологический принцип – вера в успех исследования” [11, с. 7–8].

Еще одним важным моментом современной компаративистики, как политической, так и философской, видится то, что она успешно переходит к методологии, позволяющей отойти от европоцентризма, и рассматривает неклассические общества в их базовых устоях как чаще всего классификационно несопоставимые с европейскими. Это позволяет выделить дополнительный аспект, который необходимо учитывать при компаративном анализе теократических схем – подходы политической сравнительной методологии. Так, при сравнении различных культур – в данном случае арабо-мусульманской и христианской – мы имеем дело с так называемым цивилизационным подходом (Г.В.Ф. Гегель, С. Хантингтон, О. Шпенглер и др.) и потому должны учитывать несопоставимость некоторых специфических концептов. Неизбежно также признание того факта, что происхождение теократии является общим из одного – средизем-

номорского – региона, что позволяет сопоставлять культуры с точки зрения концепции географического детерминизма.

Исследование феномена теократии с использованием вышеописанных теорий – цивилизационного подхода и географического детерминизма – в сравнительном анализе способно весьма обогатить методологию исследования и получить ответы на многие вопросы. “Исторический анализ следует рассматривать как критическое испытание, к которому наука прибегает до того, как факт признан доказанным. С его помощью определяется сопоставимость собранного материала, главным признаком которой мы считаем единообразие процессов. При доказанной исторической связи двух феноменов они не могут рассматриваться как независимые данные. В отдельных случаях непосредственные результаты этого метода имеют столь широкое значение, что вполне могут быть сопоставлены с лучшими достижениями сравнительных исследований. Чрезвычайно широкое распространение некоторых феноменов на территории громадных ареалов говорит об общем происхождении отдельных элементов местных культур. Это, в свою очередь, проясняет многое в ранней истории человечества” [12, с. 517].

В дополнение к вышесказанному следует отметить, что методы, используемые компаративистикой в исследовании теократии, в целом соответствуют классическим методам компаративного анализа. Среди них используются, в частности, следующие: описание; выработка специфического категориального аппарата (терминологии, заключающей в себе вполне определенный, разделяемый международным сообществом ученых смысл); построение гипотезы, которая верифицируется в процессе анализа.

При этом на анализе такого сложно-структурированного феномена, как теократия могут отразиться проблемы самой компаративистики – как социально-философской, так и политической. Между тем именно от нее ожидается та функциональная прогностичность, которая позволяет превратить банальную футурологию в подлинно научное исследование исторического явления. Что касается особенностей компаративистики такого сложно-структурированного феномена, как теократия, то она нуждается в учете ряда аспектов. На ней, в частности, отражаются многие общие подходы компаративистики, среди которых методологией исследования признаются исторический подход и ретроспективный анализ. В то же время использование философской и политической компаративистики поможет анализу функционально быть более прогностичным, что и ожидается от любого научного исследования исторического явления.

Следует отметить, что в социальной философии прогностическая функция требует особого обоснования и не является самоочевидной. Между тем проблему прогнозирования как такового рассматривал В.С. Степин, который считал прогноз атрибутом именно философского знания [13]. По его мнению, философия может создавать необходимые для научного исследования категориальные матрицы до того, как наука начнет осваивать соответствующие типы объектов. Целью социально-политического анализа является прогнозирование, а прогностическая функция философии состоит в создании методологических основ и категорий.

Таким образом, категория ретроспекции, не исследованная ранее философскими средствами в должной мере, но все более приковывающая к себе внимание исследователей, послужит необходимым методологическим основанием изучения теократии.

Литература

1. Бурмистров С.Л. Философская компаративистика и история философии / С.Л. Бурмистров // ХОРА: журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 1.
2. Попова О.В. “Измерительный инструмент” в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах / О.В. Попова // Хрестоматия по сравнительной политологии: учебное пособие / авт.-сост. А.М. Акматалиева, З.Т. Мураталиева. Бишкек: КРСУ, 2015.
3. Колесников А.С. Философская компаративистика и диалог культур / А.С. Колесников // Россия и Грузия: диалог и родство культур: Материалы международного симпозиума. СПб., 2003.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С.И. Ожегов, под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1983.
5. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П–Р / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1987.
6. Словарь иностранных слов. М., 1989.
7. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов: 35 тысяч слов / А.Н. Булыко. М., 2006.
8. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер, пер. с нем. М., 1993.
9. Сморгунов Л.В. Политическая философия и наука: от конфронтации к взаимовлиянию / Л.В. Сморгунов // *Miscellanea humanitaria philosophiae*: очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Ю.Н. Солонина. Сер. “Мыслители”. Вып. 5. СПб., 2001.
10. Москаленко М.Р. Проблемы социально-политического прогнозирования: историография проблемы / М.Р. Москаленко // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург, 2009.
11. Исторические переломные этапы развития Кыргызстана: комплексный теоретический анализ / под науч. рук. Т. Койчуева. Бишкек, 2011.
12. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / Ф. Боас // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.
13. Степин В.С. О прогностической природе философского знания / В.С. Степин // Вопросы философии. 1986. № 4.